

Я старался избегать всякого рода обобщений и широких выводов. ...Все мои воспоминания окрашены чисто личным освещением. В этом их большой недостаток, но зато, быть может, и некоторое достоинство¹.

Мал возрастом — не могу *вспоминать* войну. Достаточно взрослый — не могу *верить* текстам о ней. Я могу лишь *собирать* войну. Из мозаики пережитого. Кусочки повсюду. Они падаются на пути и медленно складываются один с другим. «Держите

в голове полноту бытия, — говорил М.К. Мамардашвили. — *Полнота бытия* — вот что имеет отношение ко мне, рассыпанное, как в осколках зеркал. Мы отражены в тысячах зеркал, которые не собираем, хотя эти отражения и есть мы».

Из школьного детства

Рождѐнный в 1973 г., я ещё застал многочисленных ровесников века, взрослых участников и свидетелей Отечественной войны 1941–1945 гг. Эти люди войны окружали меня

повсюду: в доме моём и в домах друзей, во дворе, на улице, в школе.

Школа, первое место неприватного опыта войны. Встречи с ветеранами не вызвали интереса, воспринимались казѐнно. Ныне жалею. Поход в музей воинской части запомнился из-за страшной истории о пытках фашистами советского героя. Сродни жутким местам об изуверствах поляков в гоголевском «Тарасе Бульбе», которые я при чтении пропускал². Помню приход на классный час старушки, возможно, бабушки кого-то из одноклассников, а может, просто приглашённой классной руководительницей. Она была *снайпершей*. Она рассказывала нам о своей войне. Никогда я не слышал такого. Моя первая встреча с человеком, который убивал, мастерски, как в тѐре, и который выживал сам, как мишень, и теперь рассказывает об этом. Другие молчали. Одно из первых противоречий в моей жизни. Ко-гни-тив-ный диссонанс. Убивать человека нельзя, я это знал. Убивать врага нужно, я это знал. Женщина рождает/женщина убивает. Приходил в школу с рассказом отец недавно появившегося у нас и неуважаемого из-за мягкотелости одноклассника. Он воевал в Афганистане. Но это уже *другая* война.

Познание трофея

Калининградская область — военный трофей. Западный форпост. Долгое время вотчина военных. Километрах в десяти от родного городка начиналась пустошь — огромный военный полигон, поглотивший целый мир: десятки поселений с садами, кладбищами, колодцами, озёрцами, дорогами. Место закрытое и интересное. Немного в стороне, к западу от полигона дремали в шахтах какие-то ракеты. С грохотом часто проносились по небу военные самолѐты, взлетавшие с аэродрома, что в соседнем городе. Сам мой городок был полон воинских частей. Вокруг него и в нём

¹ Позаимствовал из: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919. Париж, 1933. С. 6.

² Конечно, эти места отсутствовали в школьных книжках. Я узнал о них из толстого тома Гоголя, старого, 1930-х гг. издания, найденного мною в кузове грузовика, в куче списанных из библиотеки городского дома офицеров книжек.

самом много братских могил. В центре, на могиле, памятник погибшему при взятии капитану Гусеву, именем которого в 1946 г. город был назван.

На велосипеде, с фотоаппаратом «Любитель» на плече, я начал познавать окрестности своего городка, забираясь в поездках всё дальше и дальше. Это как сталкерство, ведь пространство полно волнующих тайн. Совсем дикой природы в наших местах нет, всё было когда-то окультурено, посажено, облагорожено. Под травами, среди одичавших декоративных кустарников и фруктовых деревьев скрывались старые фундаменты и подвалы, насыпи разобранных железных дорог... Я не задавал себе вопрос, отчего все это заброшено, довольствовался лишь сознанием тайны, связанной с воздействием на них времени.

Альбомы

Солидно сделанные, толстые, с замками, семейные альбомы лежали в тумбе под телевизором и были мне доступны. Вот немец-солдат сфотографировал моего отца — тому было года два — на деревенской улице, спустив ему штаны. Потом фотографию подарил. Помнится удивление, вызванное этой историей, поскольку она не совмещалась с моим представлением о тотальной войне и с inferнальным образом шпрехающего врага. Жуткие снимки я впервые увидел в книге о Саласпилсе¹, лагере смерти, оставленной у нас дома знакомыми. Нерезкие, чёрно-белые, они воздействовали гораздо сильнее, чем текст.

Чёрно-белые, словно рисованные простыми карандашами и углем, фильмы о войне — основной, пожалуй, источник мальчишеских представлений. Такие же чёрно-белые фотографии в книжках. Чёрное и белое навязали видение, от которого мне трудно освободиться. А ведь прошлое тоже было цветным.

Третий рейх

Я не мог поверить рассказам одноклассника Женьки Котова — бабушка его жила в Краснолесье — о старых

немецких фотографиях, которые он-де находил в тех местах в земле и в воде. На краснолесненском автобусе мы отправились в пос. Смирново, что на подступах к Роминтской пушце.

Небольшой ручей, не пересыхающий ни в какую жару, промыл среди моренных холмов глубокий каньон. Ледяная вода вытекает из болотистой местности. Раки. Вглядываюсь в песчаное дно ручья, ища скрученные обрывки голубого пластика. Их много, но они плохо различимы среди отражений неба в водной ряби. Копаю землю, обнаруживая ровные цинковые пластины. Цинковые пластины попадаются редко. Всё это фотоклише. Дома натираю их мелом или, если состояние пластины позволяет, густой пастой из шариковой ручки (в этом случае можно делать отпечатки на бумаге). Шероховатая поверхность преобразуется, являя сцены давно прошедших времён. Вот корпулентный рейхсмаршал авиации в светлом кителе на какой-то встрече, вот съезд в зале, украшенной нацистскими флагами, вот солдаты-окопники, вот несколько самолётов с крестами, среди них один со звездой, а вот и сам немецкий фюрер... Множество клише. Здесь до войны была типогра-

фия. Судя по ворохам истлевшей бумаги и другим остаткам типографских материалов, печатали здесь, кроме газет, бланки и прочую несложную продукцию. Тексты еле видны на тёмно-коричневом тлене. Да я и не стремлюсь разобрать их готический шрифт. Меня занимает другое. Я выкапываю из земли не просто привычные монетки или стекляшки, а фотографии! Я — фотограф. Несколько десятилетий пластины ждали такого как я. Мои поездки превращаются в выездные фотосессии с непредсказуемым результатом! Я вернусь домой и проявлю найденное.

Мальчишке трудно подробно описать происходящее, а я уже и не смогу — позабыл. Остались лишь чувства. Сырость. Замшелые деревья. Бульканье ручья. Ледяная вода. Полная заброшенность. Одиночество. И фотографии, чей статус в бытии не определён и загадочен.

Дача Геринга

В Роминтскую пушцу я впервые попал поздней осенью 1987 г. вместе со школьным товарищем Лёшей Клоповым. Немцы называли эти места

Портсигар из коллекции автора

¹ В Саласпилском лагере смерти. Сборник воспоминаний. Рига, 1964.

В Берлине, май 1945 г.

пустошью (Rominter Heide). Здесь испокон веков растёт лес, водится много зверья. Это бывшие охотничьи угодья немецких властителей, всего три десятка километров южнее моего городка. Большой — в масштабах Калининградской области — лес, уходящий в Польщу. На первом автобу-

се мы приехали в пос. Краснолесье (ранее Gross Rominten), что на севере пуцци. Семь утра поздней осенью — тёмное и девственное время. Мы долго идём сквозь холодный лес к даче Геринга¹. Деревья уже потеряли листву, травы высохли и утратили цвет, усилив пустоту и заброшенность пригра-

ничья. Люди здесь бывают редко, но кажется, лес полон призрачного присутствия. Повсюду следы прошлой культуры: замшелые каменные погребя, заросшие канавы, заброшенные мосты, квартальные камни у пересечений старых просек. Опыта у меня мало, и я снимаю самые разные

¹ Jaegerhof Rominten был построен для Германа Геринга архитектором Хетцелем в 1936 г. по оригинальному проекту, исключительно из местных материалов. Разрушен осенью 1944 г. отступающими немецкими войсками.

² С послевоенного времени и до сего дня развалины охотничьего дома находятся в пограничной зоне, закрытой для свободного доступа. Пограничный режим ослабевал вместе с ослаблением государства. Мои школьные и университетские годы как раз пришлись на это время. Сегодня для посещения этих мест снова нужен пропуск.

объекты: излучины реки, крутые обрывы, поваленные деревья, текущую воду, землянки, камни, дороги... У меня нет штатива, и снимать приходится с рук. Сжимаю камеру как оберег в этом таинственном и диком лесу. Когда слышим гудение далёкой машины, заранее уходим в лес — возможно, едут пограничники². Строгого погранрежима уже нет, но встреча с челочками в зелёном нам ни к чему.

От охотничьего домика Геринга остались только фундаменты, поглощаемые природой. Подвалы обширны, сухи, и в них гулко усиливаются

наши голоса. Сказочные места. Вокруг толстые ели, с которых свисают сизые бороды. Под деревьями сумрачно, с рук снимать невозможно. Поэтому пристраиваю камеру на камнях у входа в тёмный подвал. Затвор послушно отработывает ручную выдержку. Геринг так и не появился.

Топонимия войны

В Калининградской области много войны. Она рассыпана в ландшафте в сотнях названий: Армейское, Красноармейское, Солдатское, Гвардейск, Краснознаменск, Победино, Маршальское и т.д. В первые послевоенные годы колхозы и сельхозартели носили имена военачальников: Рокоссовского, Василевского, Черняховского и др. Названия множества улиц, городов и деревень являются антропонимами и связаны с именами героев, павших в Восточно-прусской операции: Ладушкин, Нестеров, Гусев, Мамоново, Черняховск, Гастелло, Гурьевск и др. Первый кинотеатр Калининграда был назван «Победа» (в честь взятия Кёнигсберга), проспект, на котором он находится, назван проспектом Победы. Площадь в центре города была названа площадью Победы. Кроме имён и названий, война рассыпана в виде музеев, памятников и памятных табличек, пушек и иного оружия, выставленных в парках и на мемориалах.

Немецкий историк, мой ровесник и товарищ, построил даже теорию, объяснявшую наличие на игровых площадках в детских садах таких игрушек: танков, корабликов, ракет. Я теорию не одобрил.

Вырасти и жить в таком окружении кое-что да значит!

Дядя Вася

Дело происходило на креховском подворье в конце 1990-х. Доктор Крех — странноватый старый немец из Западной Германии, живший до войны в этих местах. В Голдапе до войны был пивной заводик его родителей. Вот уже несколько лет Крех живёт в Краснолесье. «Ich bin der letzte Soldat Adolf Hitlers» — не раз говаривал он о себе, участнике войны.

Дядя Вася держал шланг и лил воду в ведро, подставленное Валерой. Поить креховских лошадей. Дядя Вася рассказывал историю. Однажды Крех пришёл к нему, сказал взять две палки с гвоздём на конце. Тот сделал палки, и они вдвоём, немец и белорус, отправились собирать мусор по деревне, нанизывая на гвоздь. «Я их в войну бил, а теперь вот собираю с ним бумажки по деревне. Дети смеются», — сокрушался дядя Вася.

Дед жены

Воевал. Был коммунистом. Но недовольно высказывался о них. Стал старым. Каждый год девятого мая с самого утра дед ждал звонков.

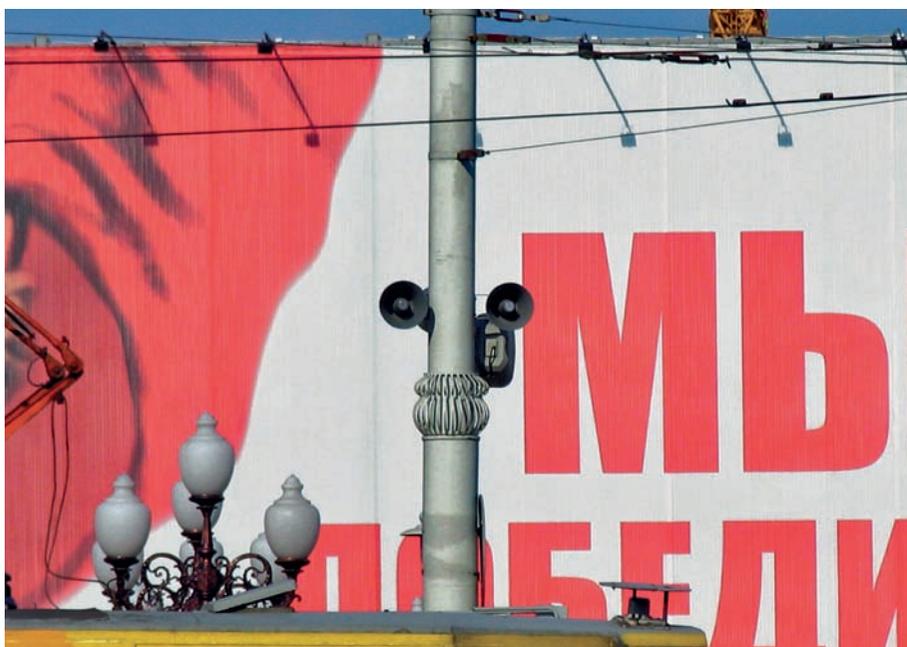
Мама солдата

Лето 2005 г. Сахалин, укреп-район Харамитогэ. В лесу встречаем поисковиков. С ними японцы. Разговариваем с командиром отряда. Поисковики обнаружили останки японских солдат, погибших здесь летом 1945-го. Крохотная старая женщина, *мама* солдата, останки которого были найдены, подходит к командиру поисковиков. Благодарит через переводчика. Кланяется, сложив крохотные сухие ручки у груди. Лицо непроницаемо для невосточного человека. Волосы у неё чёрные, совсем нет седины. Одета в брюки и лёгкую кофточку. Сколько же ей лет?! Прощаясь, передаёт командиру бутылочку сакэ. Тот угощает нас тёплым напитком, пуская по кругу.

Останки солдат японцы кремировали тут же. На поленницах. Пепел увезли на родину.

Обедневшее пространство

Почва всасывает в себя и рассыпающиеся кости, и ржавеющее железо. Крошится бетон многочисленных памятников. Конечно, «феномен памяти не держится на сохранении лишь физических её следов» (М.К.М). Но когда в первой половине 1980-х многочисленные одиночные могилы были собраны в большие захоронения, на которых

Афиша «Мы победили!». Фото автора

отливались огромные бетонные монументы и за которыми легче ухаживать, историческое пространство обеднело. Война ушла из лесов, с опушек, пригорков. Не нужно ни за чем ухаживать. Нет больше могил. Нет более следов скорби. Только грибы.

Комитеты

В детстве казалось, всё будет как есть. А вот уже почти не осталось участников и свидетелей. Както неожиданно. «Комитеты ветеранов ВОВ» стали «Комитетами ветеранов локальных войн и военных конфликтов», «Комитетами ветеранов войны и военной службы», «Комитетами ветеранов госбезопасности и локальных войн» и проч. Хотя прежнее словоупотребление 90-х гг. осталось. «Ветераны за... Ветераны против... Ветераны одобрили... Ветераны возмущены...»

«Весна — время побед»

Иду по весеннему Калининграду. Война со всех сторон. Война в рекламе. Игровая сеть «Дон Кихот»: «Весна — время побед».

Война в газетных заголовках. Конъюнктурная игра журналистов

с ключевыми для Калининграда темами («немцы», «импорт поддержанных автомобилей», «война», «Победа» и т.д.) порождает такие печальные примеры, как название этой заметки: «Ветеран погиб под колесами немецкого автомобиля на проспекте Победы».

Война в *самопиаре*. В местной газетке (назвать иначе этот листок трудно), в поздравлении калининградцам с Днём защитника отечества от имени начальника Калининградской железной дороги, помещается изображение немецкого танка «Тигр». Это, может, и ошибка оформителя, но в результате газете уделили внимание.

Предмайская вакханалия-2005 с плакатами, растяжками и проч. о войне. Многие десятки, сотни. «Слава ветеранам войны и работникам тыла!». *Труженики* тыла оскорбились, что их назвали работниками.

Листовка в почтовых ящиках с поздравлениями ветеранам и на ней же рекламка похоронного агентства. *Гробовщик* позднее извинился. Но горечь у людей осталась.

Калининградские процентщицы предлагают делать вклады «Победитель».

Над улочками давнего Кёнигсберга громадный красный щит. «60 лет Великой Победы. 60 лет Калининграду, городу с 750-летней историей». *Новая хронология*.

Молодые грамотеи-рекламщики набрали и разместили на огромных плакатах стихи «Память», поздравляя участников штурма Кёнигсберга.

*Ещё не зарубцевались раны.
Ещё звенят медали, ордена,
Ещё тревожно спитесь ветеранам,
Ещё во сны врывается война.*

Как преподаватель университета, по своим студентам, даже отличникам, знаю, что у молодых сложности с написанием совершенной и несовершенной форм глаголов.

СС — это Советский Союз

Выборг. Железнодорожный вокзал. Скучаю в очереди за билетом. На стене регламент с правилами проезда. Распечатка с принтера. «Герои СС бесплатно». Не сразу понял. Когда понял, удивился. Краску экономят?

***

Память о войне перестала быть общим делом. Стала делом частным. Эпическая История войны (History) распалась на отдельные истории, рассказы о ней (story). На окраинах и не только память о войне распалась на локальности. «День освобождения Южного Сахалина и Курил от японских милитаристов», «День штурма и взятия Кёнигсберга» и прочие дни конкурируют по интенсивности с Днём Победы. Картина войны непоследовательна. Бьёт по мозгам, проникает в них куча текстов о войне. Они полны лакун и противоречий. Видимо, иначе быть и не может. Побывал в музее Освенцима. Возникли вопросы. Баба Тома, мамина тётя, в деревушке под Смоленском рассказывает о войне. Снова удивлён.

Война ныне — это работа. Работа — по сборианию. Иного не остаётся.

á

*Здоровье государства обнаруживается не столько
в покое мирного времени, сколько в движении войны.*

Георг Вильгельм Фридрих Гегель.

Конституция Германии

Кенигсберг. Открытка 1895 г.